

Зал Высшей Гармонии предстал перед Цзинь Цином точно таким же, каким сохранился в его памяти, — величественным и незыблемым. Даже в прошлой жизни он и помыслить не мог, что однажды будет сниматься в этих стенах. И пусть это была лишь безупречная виртуальная копия, дух захватывало по-настоящему.

Снаружи, у массивных дверей, ждали своей очереди кандидаты на роль Хуа Маньлоу. Всего их было десять человек, включая Цзинь Цина. Все они отличались разрезом глаз, цветом кожи и волос: в эту космическую эру человечество стало невероятно многоликим.

Двери Зала Высшей Гармонии были распахнуты настежь, и кандидаты могли видеть сидящую внутри комиссию. Судьи о чём-то негромко переговаривались, и на их лицах читалась явная озабоченность.

Цзинь Цин понимал их тревогу: они никак не могли подобрать актёра на роль Хуа Маньлоу. Для столь важного персонажа десять претендентов — ничтожно мало по меркам нынешней эпохи. К тому же и уровень мастерства у этой десятки был, мягко говоря, весьма средним и неровным.

Режиссёр Винсент славился своим талантом, и как только разнёсся слух о съёмках нового фильма, проект сразу привлёк внимание множества именитых актёров. Однако в первоначальном варианте сценария, который разослали агентам, роль Хуа Маньлоу казалась крошечной, чуть ли не эпизодической. Предполагалось, что персонаж либо появится в кадре на пару секунд и сразу погибнет, либо просто случайно столкнётся с главным героем на улице. На такие неприметные роли редко кто соглашается добровольно, поэтому желающих сыграть слепого юношу оказалось наперечёт.

В этот момент из зала торопливо вышел мужчина. Он изо всех сил пытался сохранить невозмутимый вид, но плохо скрываемая тревога выдавала его с головой. Если бы не упрямство режиссёра и сценариста, он вообще счёл бы это прослушивание пустой тратой времени. Было очевидно: среди этой десятки они вряд ли найдут того самого Хуа Маньлоу.

— Ну что, Элвис, как ты себя чувствуешь? — Винсент повернулся к мужчине, сидевшему рядом.

Тот стоял чуть поодаль, выпрямив спину. Его холодное, резкое лицо казалось высеченным из мрамора. От всей его фигуры веяло таким ледяным отчуждением, что никто не смел сделать к нему и шага. Он напоминал редкий снежный лотос, цветущий на самой вершине неприступной горы: сколько ни старайся, простому смертному до него не дотянуться. Одно лишь восхищение издали.

Услышав вопрос, Элвис перевёл спокойный взгляд на режиссёра, и он неувовимо смягчился.

— Всё в порядке, — негромко ответил он.

Винсент понимающе кивнул. В киноиндустрии все знали, что Элвис — невероятно преданный своему делу актёр. К любой роли он относился со всей серьезностью и перед началом съёмок обязательно погружался в характер своего персонажа. Если он чувствовал, что не может полностью слиться с образом, то просто отказывался от работы. И если сейчас он уверенно обронил это лаконичное «всё в порядке», значит, его внутренний настрой был идеален.

Цзинь Цин вместе с остальными претендентами вошёл в Зал Высшей Гармонии. Перед ними предстали знаменитый режиссёр Винсент и сам великий Элвис.

На вид Винсенту было около сорока. В шоу-бизнесе люди обычно фанатично следят за фигурой, но режиссёр явно не утруждал себя диетами. Круглолицый, полноватый, он даже без улыбки выглядел на редкость добродушным человеком, который располагал к себе с первого взгляда.

Что же касается Элвиса, то он, без сомнения, приковывал к себе все взгляды.

С того момента как они переступили порог зала, Цзинь Цин то и дело слышал за спиной восторженный шёпот и сдавленные вздохи других кандидатов.

Легендарный актёр, которого они прежде видели лишь на экранах терминалов, теперь стоял в нескольких шагах от них. Волнение и восторг переполняли молодых людей.

«Какой же он красивый!..»

«Сразу видно — Бог вселенского масштаба...»

«Невероятный!..»

Богов принято созерцать снизу вверх. Когда кто-то достигает столь недостижимых высот, простым смертным остаётся лишь закинуть голову и благоговейно замереть от восхищения.

В романах Гу Луна Симэнь Чуйсюэ был истинным Богом меча. Особенно после того, как он оставил жену и ребёнка ради совершенствования своего искусства: в его сердце не осталось ничего, кроме холодного лезвия. Пусть он и не достиг мифического единения с клинком, но подошёл к этой грани вплотную.

И прямо сейчас Элвис и был Симэнь Чуйсюэ!

Цзинь Цин слегка прищурился, разглядывая его. Внутри росло тихое восхищение: если кто-то в этой вселенной и был способен вдохнуть жизнь в великого мечника, то только этот человек.

Пока Цзинь Цин изучал его, Элвис, почувствовав этот пристальный взгляд, медленно повернул

голову. Их глаза встретились. На долю секунды Цзинь Цину показалось, будто перед ним действительно предстал легендарный Бог меча: он испуганно вздрогнул, словно в следующую секунду невидимый клинок должен был пронзить его грудь насквозь.

Время словно замедлило свой ход. Цзинь Цин на мгновение прикрыл веки, возвращая себе душевное равновесие, а когда открыл их — он едва заметно, мягко улыбнулся. Он спокойно и вежливо кивнул знаменитости.

Облик юноши дышал поразительным миролюбием; от всей его фигуры веяло удивительным теплом и покоем. Его улыбка была настолько искренней и чистой, что невольно заставляла забыть о настороженности и довериться ему без остатка. Элвис на миг смягчился, его холодность исчезла, и он ответил едва заметным приветственным кивком.

Это безмолвное приветствие длилось всего пару мгновений, и никто из присутствующих ничего не заметил. Однако стоило им отвести глаза, как оба почувствовали, что внутри у них всё перевернулось от глубокого, искреннего изумления.

Элвис уже вошёл в образ. Он безупречно воссоздал высокомерную, ледяную отстранённость Симэнь Чуйсюэ. В его мимолётном взгляде сквозила острая, почти осязаемая аура клинка — беспощадная сила, от которой у Цзинь Цина перехватило дыхание, словно на него направили обнажённое остриё и его жизнь висела на волоске.

Невероятный Бог!

Впрочем, для самого Цзинь Цина умение вживаться в роль тоже не было чем-то сверхъестественным. В прошлой жизни по стечению обстоятельств ему так и не удалось завоевать ни одной престижной награды, однако он всегда отдавался работе без остатка, шлифуя каждую сцену до блеска. Единственное, о чём он по-настоящему жалел, — так это о том, что смерть и перерождение настигли его именно тогда, когда признание было так близко. Фильм, в котором он снялся незадолго до гибели, с вероятностью в девяносто процентов принёс бы ему долгожданную статуэтку лучшего актёра.

В реальности мало кто мог выдержать этот ледяной, разящий наповал взор Бога меча. Но на страницах романа такой человек существовал. Стоило Цзинь Цину перенять безмятежное миролюбие Хуа Маньлоу, как смотреть в глаза Симэнь Чуйсюэ стало совсем не трудно.

Цзинь Цин даже не подозревал, что Элвис был потрясен его реакцией ничуть не меньше.

С тех пор как Элвис примерил на себя характер Симэнь Чуйсюэ, люди вокруг попросту боялись смотреть ему в глаза. Из-за этого ему приходилось постоянно сдерживать внутреннее пламя, притуплять остроту ауры и прятать опасный блеск. Роль, несомненно, была бросающим вызов испытанием, но она не стоила того, чтобы ломать собственную психику и окончательно отгораживаться от мира в реальности.

Но мгновение назад Цзинь Цин принял его вызов. И даже не дрогнул.

— Ваша задача предельно проста, — раздался голос режиссёра Винсента. — Вам нужно сыграть слепого, который внешне ничем не отличается от зрячего. Ваша сцена начнётся вон там.

Он указал на самое возвышенное место в Зале Высшей Гармонии — туда, где когда-то высился трон Верховного владыки.

Эти слова тут же вызвали глухой ропот среди претендентов. «Слепой, который не похож на слепого? Но разве тогда это слепой?» — недоумевали они.

Среди собравшихся нашлись люди прямолинейные, которые не побоялись высказать свои сомнения вслух.

— Господин режиссёр, но это же всего пара слов! Как нам понять, что именно вы хотите увидеть?

Стоило одному нарушить молчание, как остальные дружно его поддержали:

— Действительно, незрячие ведут себя по-разному. Будьте добры, хотя бы намекните, в каком направлении нам двигаться.

Большинство пришедших на пробы актёров звёзд с неба не хватало и перебивались мелкими ролями. Получи они эту работу — порадовались бы, а нет — так и горевать не стали бы. Именно поэтому они держались свободнее: там, где признанные звёзды заискивали бы перед великим Винсентом и ловили каждое его слово, эти безызвестные новички без смущения заявляли о своих трудностях.

В конце концов, худшее, что их ждало в случае провала, — потеря шанса когда-либо ещё раз поработать с этим режиссёром. Но для актёров их уровня это и так было обычным делом. Зато если бы кто-то из них сумел зацепить Винсента и завоевать его расположение, перед ним открылись бы двери в мир большого кино.

На эти расспросы Винсент ничуть не обиделся. Он мягко и обезоруживающе улыбнулся, из-за чего стал походить на добродушного соседа-добряка, не способного и мухи обидеть.

Стоявшие в стороне сотрудники съёмочной группы лишь обречённо переглянулись. О кротком нраве маэстро ходили легенды: он действительно был чрезвычайно мил с незнакомцами. Но только преданные помощники знали страшную тайну: чем шире и дружелюбнее становилась улыбка режиссёра, тем сильнее в его душе закипало глухое раздражение.

— Раз уж вы так настойчиво просите, — мягко проговорил Винсент, — дам вам ещё одну

подсказку. Запомните: Хуа Маньлоу — удивительно мягкий и душевный человек.

Душевная теплота определяла его характер, а маэстро раскрыл физическое состояние героя. Для короткого прослушивания этих двух ориентиров было более чем достаточно.

Претенденты переглянулись. У каждого в голове начал вырисовываться примерный набросок роли. Впрочем, они тут же отвели взгляды друг от друга — роль была всего одна, и сейчас каждый из них оставался соперником, которого нужно обойти.

Прослушивание началось. Один за другим претенденты поднимались на покрытый красным лаком царский постамент. Спуск по широким ступеням, который когда-то должен был символизировать величественный выход монарха к подданным, сейчас превратился в обычную проходку по сцене.

Разумеется, в самом фильме появление Хуа Маньлоу будет обставлено иначе. Режиссёр выбрал эту мизансцену исключительно ради того, чтобы усложнить задачу. Для слепого, который стремится казаться зрячим, спуск по лестнице — сложнейшее испытание, требующее филигранной координации.

Возможно, дело было в том, что никто из них не читал оригинальный роман или просто не сумел прочувствовать этот образ. Первые девять кандидатов провалились. Одни спотыкались на каждом шагу и едва ли не зажмуривались, отчаянно пытаясь изобразить незрячего. Другие, напротив, сбегали вниз слишком резво и так уверенно озирались по сторонам, что начисто перечёркивали саму суть персонажа. Выпусти они такой вариант на экраны — зрители сочли бы это наглым и дешёвым обманом со стороны съёмочной группы.

Сколько людей, столько и мнений — у каждого актёра было своё видение роли. Девять человек представили девять совершенно разных трактовок, но лицо Винсента оставалось непроницаемо вежливым. Он продолжал добродушно улыбаться, словно смотрел незатейливую комедию, не требующую никаких размышлений.

Первый из отстрелявшихся актёров, заметив эту улыбку, про себя возликовал. Второй тоже уходил со сцены окрылённым. Однако когда третий, четвёртый и пятый кандидаты получили точно такую же мягкую, застывшую полумаску вежливости, их радость быстро улетучилась.

Чудес не бывает: заветное место под солнцем достанется лишь одному.

Яо Чжэньни молча наблюдала за происходящим. Видя, что выражение лица Винсента ни разу не изменилось, она почувствовала, как её восторженный пыл угасает. Внутри росла тревога. Женщина начала понимать: требования к этой роли невероятно высоки. Будь это обычный проходной персонаж, режиссёр давно утвердил бы кого-то из первой девятки, какими бы средними ни были их пробы. Но раз маэстро оставался глух ко всем попыткам, вывод напрашивался сам собой: Хуа Маньлоу отнюдь не был заурядной массовой, как уверяли слухи.

— Цзинь Цин, не переживай так, — тихо шепнула она, коснувшись его плеча. — Расслабься. Даже если сегодня ничего не выйдет, у нас впереди масса других возможностей.

Юноши в его возрасте часто бывают излишне самолюбивы и ранимы. Чжэньни искренне боялась, что возможный провал подкосит Цзинь Цина, лишив его уверенности в себе, и тогда вся эта затея с возвращением на сцену потеряет смысл.

Цзинь Цин повернулся к ней, мягко улыбнулся и снова перевёл взгляд на возвышение.

— Хорошо, — спокойно кивнул он.

<http://bllate.org/book/19005/1908230>